

**МИХАИЛ
ЛЕОНТЬЕВ**
**ЗА ПУТИНА,
ЗА ПОБЕДУ!**

Михаил Владимирович Леонтьев

За Путина, за победу!

Серия «Протоколы кремлевских мудрецов»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6056839
За Путина, за победу!: Алгоритм; М.: 2013
ISBN 978-5-4438-0409-5

Аннотация

Проблема власти и оппозиции есть в любой стране, но Россия, как всегда, отличается своей загадочной душой. Почему у нас высказать недовольство властью на улицы выходят не обездоленные, а представители элиты? Что стоит за желанием «ухода» президента? И какое отношение ко всему этому имеет Госдеп США? Михаил Леонтьев – один из самых известных политологов России, бессменный ведущий программы «Однако» и главный редактор одноименного издания – представляет свой неповторимый и ироничный взгляд на извечный русский вопрос: куда интеллигенту податься? Конечно, на баррикады – интеллектуальные баррикады!

Содержание

Часть I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Михаил Леонтьев

За Путина, за победу!

Часть I

Нам нужен новый Горбачев?

Нам срочно нужен новый Горбачев. Вот просто вынь да положь! Ну хотя бы Нельсон Мандела. Этот истошный призыв принадлежит перу Евгения Гонтмахера, ранее высокопоставленного чиновника наших реформаторских кабинетов, а ныне члена правления института современного развития, выдающего себя за интеллектуальный штаб действующего президента России. Смысл в том, что страна опять через 20 лет стоит перед развилкой либо превратиться в большую Северную Корею, либо развалить проклятый режим и развалиться на радость прогрессивному человечеству. И вот, чтобы не разочаровать это человечество, и нужно невнятное, плохо представляющее результаты своей деятельности, но очень современно настроенное существо вроде Горбачева. «Он складывал подарки у наших ног – уступка за уступкой...» – это слова тогдашнего Госсекретаря США Джорджа Шульца. No comment...

Начальнику г-на Гонтмахера г-ну Юргенсу никакой Гор-

бачев не нужен. Этот натужно пытается вырастить Горбачева из действующего президента, представляя себя как его ключевого советника. В интервью «Рейтер» (что характерно) Юргенс строго предостерег Путина от попыток избраться на следующий президентский срок и таким образом превратиться в Брежнева. Как заявил Юргенс, «этот сценарий очень беспокоит современно мыслящих людей». Я бы просил обратить внимание на очень характерное слово «современный». И институт у них не даром «Институт современного развития» с ударением на «современный». С точки зрения нормального человека, развитие – оно либо есть, либо его нет. Но не тут-то было. «Современный», не отсталый, модернизированный – это тот, кто нравится продвинутым мальчикам, девочкам, мальчишко-девочкам, интернет-провайдерам и американцам. Которые давно продвинутые по определению (непродвинутые Обам не выбирают).

В стране резко запахло перестройкой, какая-то злобная вторичная пародия: новое мышление, демократизация, разоружение, даже антиалкогольная кампания тут как тут. У горбачевских перестройщиков было хотя бы алиби. Они хотели чего-то неизведанного, розового и светлого. Неоперестройщики – люди глубоко современные, то есть предельно циничные, их интересует только передел власти и имущества. Причем если морковка покажется достаточно достижимой, их энергичному порыву будет противостоять очень трудно. Именно этой заинтересованной энергетикой и наду-

вается до титанических размеров доселе кроткий, незаметный и пустой г-н Юргенс, бывший советский международный функционер по профсоюзной линии. Что само по себе является исчерпывающей человеческой и политической характеристикой. Пресса цитирует анонимный источник в Кремле, заявивший, что г-н Юргенс злоупотребляет своей мнимой близостью к президенту, но наказывать, мол, мы его не будем. Вопрос – насколько продуктивен таковой гуманизм, потому что именно безнаказанность этих самых юргенсов и является главным стимулом так называемого «современного развития», по поводу которого Константин Николаевич Леонтьев (предупреждаю, даже не родственник) еще 100 лет назад заметил: «Все менее и менее сдерживают кого-либо религия, семья, любовь к отечеству – и именно потому, что они все-таки еще сдерживают, на них более всего обращаются ненависть и проклятия всего человечества. Они падут – и человек станет абсолютно и впервые «свободен». Свободен, как атом трупа, который стал прахом».

* * *

Шашлычная «Антисоветская» всегда антисоветской и была, сколько себя помню. Поскольку находилась напротив гостиницы «Советская». Запрещать название это так же глупо, как если бы сегодня запретили анекдоты про Брежнева. «Советские» ветераны, непосвященные в народную тополю-

гию, имели право обидеться, даже если это выглядит как-то не слишком умно. Антисоветчик Подрабинек имел право обидеться на ветеранов. Пусть даже и оскорбить их, обыывая всякими обидными, с точки зрения антисоветчика, словами, что он на самом деле и сделал. В конце концов можно понять: Подрабинек – профессиональный антисоветчик. То есть он этим до сих пор кормится. Представьте себе: Советов нет, а антисоветчик есть. А тут такая пруха!

На самом деле все не так. Не за то нравственно страдает Подрабинек. В тексте его наезда на «советских» ветеранов есть такая фраза: *«В Советском Союзе кроме вас были другие ветераны... ветераны борьбы с советской властью. С вашей властью. Они, как и некоторые из вас, боролись с нацизмом, а потом сражались против коммунистов в лесах Литвы и Западной Украины, в горах Чечни и песках Средней Азии...»* Не буду здесь полемизировать с матерым правозащитником, с каким нацизмом и где сражались бандеровцы и айсарги, лесные братья, наши власовцы и кавказские эсэсовцы. И что они делали с такими подрабинекками, попадись они им в руки. Этой фразой Подрабинек встал в один ряд с ветеранами и болельщиками Ваффен СС, митингующими на очищенных от «неправильных» ветеранов площадях. То есть перешел линию фронта. Линию, разделяющую не «советчиков» с «антисоветчиками», а нацистскую мразь с теми, кто ее давил...

Переступил. И тут же спрятался за привычную «правоза-

щиту» и ее почитателей. И оттуда повизгивает, что его жизни угрожают сатрапы кровавого режима. То есть Подрабинек не дурак, а провокатор, точнее – винтик большой и длинной провокации, ловко раздутой из, казалось бы, глупой бытовухи. На бытовом уровне он заслужил бы по морде. Но именно поэтому его и пальцем трогать нельзя.

Вот этот самый «случай подрабинека», перешедшего черту, и есть самая конкретная возможность объединения «советчиков» и «антисоветчиков», оказавшихся по другую сторону этой черты. Императив отношения к собственной стране и соответственно к предателям – это еще не идеология, конечно. Но это некоторая базовая основа для государственной идеологии, той самой, права на которую лишают нас правозащитники. Опять же декларации этих так называемых правозащитников о том, что никакой идеологии вообще не нужно, а нужно только блюсти права и свободы, зафиксированные в образцовых конституционных моделях, – это ложь. Современная либеральная доктрина и есть идеология, не менее тоталитарная, чем коммунизм и фашизм. И предельно жестокая и непримиримая к своим противникам. Что не раз доказано на практике.

* * *

Тема власти и политической системы как никогда актуальна. Это вещи, от которых зависит, как принимаются или

не принимаются решения о судьбе страны. В мире есть множество стран, которым давно не приходилось и, скорее всего, не придется принимать никаких решений о своей судьбе. Россия, к счастью или к сожалению – кому как, такой страной не является (даже не будем здесь все упоминать кризис). Прежде чем говорить о каком-то решении, надо понять, кем и как это решение принимается. Или не принимается. И как сделать так, чтоб эту самую власть не уронить. Поскольку такая угроза существует в обоих случаях. К примеру, тот тип дискуссии, в котором у нее сегодня обсуждается политическая система, как раз и есть угроза власти. Прямая и явная, как выражаются наши бледнолицые братья.

Что касается действующей «российской модели», то договорные отношения у нас, безусловно, доминируют. Но они, как бы так мягко сказать, институционально не выстроены. Вообще институты никогда со времен Батыя не были сильной стороной «российской модели» (спасибо президенту Медведеву, что он обратил на это внимание).

Боюсь показаться капризным, учитывая исходное – еще десятилетней давности – состояние власти в России, но с некоторых пор и в этой части нарастают определенные проблемы. Понятно, что то самое исходное состояние, не преодоленное революционно-насильственным путем, является естественным препятствием в формировании и нормальной власти, и нормального договора, т. е. системы влияния. Собственно коррупция – естественная самоорганизация обще-

ства, когда рухнуло государство. Наша история знает и другой способ самоорганизации – резня. Известная ныне конструкция – бабло побеждает зло – справедлива лишь отчасти и на довольно ограниченное время. И уж точно не способна на принятие судьбоносных решений. Собственно, из тотальной коррупции есть два банальных взаимодополняющих выхода. Это формирование системы власти, той самой «абсолютной», то есть совершенно свободной от любых договорных, тем более денежных отношений. И системы влияния, построенной на договорных отношениях, прозрачных и легальных, то, что грубо говоря, называется рынком. Это вроде как банальность, о которой все говорят, к которой все, включая нас, стремятся, принимая за модель то, что мы видим на Западе. Тут и есть главная засада. Западная модель, кажущаяся нам недостижимым идеалом, никакого отношения к этой, казалось бы, банальной концепции не имеет. Поскольку там, в образцовом для нас будущем, никакой существенной разницы в мотивации людей власти и людей влияния нет. Таким образом, нет и принципиальной разницы в способе их функционирования, нет никаких следов этого разделения в политической системе. В конечном счете, в «современной демократии», абсолютно всеобщей, абсолютно тотальной и абсолютно, как теперь уже видно, виртуальной и симулятивной.

Разделяя функцию власти и влияния, необходимо столь же жестко разделить их сферы и их институты. И, стало быть,

и людей, в них функционирующих. Сильная, в смысле дее-способная, в конце концов, нам нужная власть осуществляется только людьми, ориентированными на ценности. «Силовиками», считающими своей единственной задачей именно осуществление этой власти, а не сопровождаемые ею бла-га. Это все не раз излагалось. И при все видимой утопично-сти выглядит предельно просто – люди власти, сознательно идущие туда, берут на себя совершенно ясные и жесткие обя-зательства и ограничения. Они просто лишают себя возмож-ности жиреть за счет власти. К примеру, у Михаила Юрье-ва в книге «Третья империя» есть такая деталь: люди, посту-пающие на госслужбу, добровольно берут на себя обязатель-ства систематически подвергаться «технодопросу», то есть допросу с помощью сыворотки правды, что при современ-ном развитии науки гарантирует стопроцентный результат. Никакого нарушения прав здесь, заметьте, нет: не хочешь идти во власть – живи, как хочешь. Такая власть, берущая на себя самые жесткие обязательства, естественным образом не будет лезть ни в какие другие сферы. Все, что не относится к ее компетенции, ей просто неинтересно, поскольку зарабо-тать на этом невозможно. Да и не нужно...

Речь здесь не идет о том, чтобы чудесным образом, стук-нувшись оземь, моментально преобразиться. Речь о том, что те якобы образцы, в рамках которых мы все время мыка-емся, имитируя и выхолащивая с целью самосохранения во-жделенные западные модели, – они просто ни о чем. Они не

дают ответа ни на одну реальную проблему и не содержат никаких реальных способов их решения.

* * *

Хочется поблагодарить российскую сборную за провальную игру в Мариборе. Когда мордатые пацаны в спорт-баре в Барвихе разбрызгивая слюни орут «Россия! Россия!»... Какая на хрен Россия!? Страна с обрушившимся на 20% за год обрабатывающим производством, обязана прекратить субlimировать свой позор спортивной фанаберией.

Именно здесь, в обрабатывающей промышленности, ориентированной практически полностью на внутренний спрос, и менее всего связанной с кризисной внешней конъюнктурой, не должно было быть спада. Именно эти отрасли должны были стать тягловой силой антикризисной политики. Именно здесь сосредоточен весь остаточный технологический и интеллектуальный потенциал российской экономики. Именно в этом контексте весь нынешний попсовый гвалт по поводу «модернизации» и «перехода к инновационному развитию» выглядит особенно нелепо и неприлично. Чего модернизировать? Какое инновационное развитие на фоне неуправляемой индустриальной деградации?!

И, кстати, последовательная индустриальная деградация – это хороший повод забить на надоевшую уже всем проблеме постсоветской интеграции. Страна с отмирающей обра-

батывающей промышленностью не нуждается в расширении внутреннего рынка, а уж тем более в таких глупостях, как позиция в мировой политике. Для того чтобы гнать на экспорт сырье, не нужно не только таможенного союза, но и вообще суверенитета... Будем надеяться, что все это – явление краткосрочное и проходящее. Свиный грипп попутал.

Что касается реинтеграции. Это действительно необходимая предпосылка самохранения. То, что реинтеграция – это инструмент противостояния в глобальной конкуренции, а не порождение толстовской самоотверженной любви, это факт. Факт, подтверждаемый тем, что все значимые интеграционные проекты всегда опирались на фундамент военно-политического союза. НАТО породило Евросоюз, а не Евросоюз – НАТО. Это еще одна наглядная иллюстрация беспредметности либерально-глобалистской демагогии по теме интеграции. Любые интеграционные союзы – это инструмент самообороны и экспансии. Кто сам не строит свою интеграцию, того с неизбежностью «отинтегрируют» так, что потом мать родная не узнает.

* * *

Что-то это все напоминает. Говорится: «Бог – в деталях». Намедни удалось почувствовать острый вкус perestroika. Той самой до боли знакомой. Как-то незаметно, уж простите, прошмыгнул закон о запрещении крепкого алкоголя в аэро-

портах. В Шереметьеве в барах, наполненных довольно элитным алкоголем, предлагали сделать низкоалкогольный коктейль... То есть, как раньше, в добрые времена, купили бутылку в «Товарах в дорогу», принесли в бар... Проблему злоупотребления алкоголем в процессе пассажирских авиаперевозок мы тут обсуждать не намерены. Речь о другом. Вкус perestroika – это вкус мелкого суетливого идиотизма, унижающего в человеке разумное существо. Вкус этот подавляющий и всепроникающий. Даром что вроде как вполне обычные депутаты подмахнули эту нигде в мире невиданную глупость публично объявить соотечественников не вполне полноценными людьми.

Проблема в том, что «перестроечная» благоглупость никогда не ограничивается бытовыми, отраслевыми, возрастными и половыми рамками. Она тотальна. Антиалкогольные эксперименты времен Горбачева, организационно-административные новации и всемирно-исторические галлюцинации – это одно целое, не поддающееся делению на сектора. Нельзя чтобы вот здесь было «новое мЫшление», а здесь – какой-нибудь иной способ освоения реальности.

Модернизация нужна стране как воздух. О том много лет талдычим. Однако модернизация не цель, а средство. Средство выжить и победить. При этом победить желательно врага, а не, например, друга, что было бы крайне досадно. Странно, когда ценой модернизации заявляется сдача врагу или отказ считать его таковым. «Чтобы победить врага, мы

должны знать его. В этом заключается один из принципов правильной стратегии» – Эрнест Кассириер. Идея «не знать врага» собственно и была квинтэссенцией «нового мышления». Если говорить о видимых новациях нынешнего модернизационного ажиотажа, ничего, кроме попытки повторить этот опыт, пока не просматривается.

Проблема даже не в том, что Россия может запросто сползти в перестроечный идиотизм, уничтоживший Союз. Иммуитет от этой заразы еще вполне силен. Проблема в том, что к задачи модернизации со страшной скоростью налипает въедливая «политтехнологическая дрянь», ориентированная на интересы, никакого отношения ни к модернизации, ни к стране под названием Россия, не имеющие. «Экономическая модернизация невозможна без политической демократии, развития гражданского общества...». Нет примеров модернизации в условиях так называемой демократизации. Ни одного в истории нету! Хватит лгать слабо образованному населению. Кстати, антиалкогольные кампании, сопровождающиеся административными ограничениями – лучший способ вовлечения этого населения в натужное пьянство. А если еще демократизацию сюда подбавить, да на фоне экономического кризиса, падения доходов и сокращения занятости... Это такая perestroika может получиться, Горбачев обзавидует!

Мы совершенно очевидно находимся на переломе. Если хотите, 2010-й год – это переход к перелому.

«Нулевые» очевидным образом закончились. Этот период можно назвать путинской стабилизацией, а еще точнее – путинской реанимацией, потому что стабилизировать на конец 90-х практически было нечего. Об этом, собственно, уже много сказано. И очевидно, что эта стабилизация была предпосылкой восстановительного роста. Кое-как восстановленные государственные и социальные ткани при крайне благоприятной внешней конъюнктуре, при отказе от множества обременительных прежних государственных обязательств обеспечили-таки практически обещанное Путиным и осмеянное его оппонентами «удвоение», да не в десять лет, а в восемь. То есть обеспечили бы совсем, если бы не кризис, который мы совсем не предвидели, и вины в котором нашей – ноль.

«Путинская реанимация» вполне могла бы продолжаться в том же духе и в тех же параметрах еще лет десять как минимум, развернувшись в «путинское восстановление и процветание». Вот дал китайцам Господь 40 лет конъюнктурного счастья, а нам – только десять?! И пусть кто-нибудь докажет, что процветать на дорогой нефти зазорнее, чем на дешевой рабочей силе...

Но тут совершенно неожиданно, особенно для тех, кому очень не хотелось этого ожидать, – мировой кризис. Да причем не циклический (обычный), и не экономический даже – системный: как у системного кризиса у него есть огромное количество всяких разных аспектов, о чем много и отдельно говорилось. Но главное тут для нас – это слом механизмов роста глобальной экономики. То есть облом во внешней конъюнктуре. Оказалось, что придется отвечать на вопросы, на которые очень отвечать не хотелось. Но только на секундочку. Пропасть, представившаяся взору, как-то быстро затянулась, в экономике наметились сначала ростки, а потом прямо-таки побег стабилизации, рынки пошли вверх, нефть подорожала...

В чем смысл идеологии нашей реанимационно-восстановительной политики? **Не умничать**, делать все «как у людей», то есть как на патентованном прогрессивном Западе. Вся концепция «модернизации», которая сегодня подается как «новый курс Медведева», это еще более четкое воплощение той же идеологии – **не умничать!** Характерно, как подают это все люди, сами называющие себя интеллектуальным штабом президента: интервью главы ИНСОРа (и по совместительству, что немаловажно, почетного генерального консула Княжества Монако в России) г-на Юргенса просто так и называется «Жить по-человечески – вот и вся модернизация» (ежемесячник РБК). И далее по тексту: «Модернизация происходит прежде всего в умах людей под воздей-

ствием лучшего образования и более совершенной среды...» Что тут еще скажешь? Одно слово – «мозговой центр». Есть ощущение, что слово «модернизация» придумано для того, чтобы снять жесточайшим образом стоящую проблему реиндустриализации, преодоление технологической дегенерации российской экономики. И вправду, можно ли назвать модернизацией попытку, например, восстановить утраченные навыки производства сверхтяжелых транспортных самолетов или хотя бы крупнотоннажных судов? Является ли модернизацией сохранение и реанимация производств, в которых наша страна обладала еще недавно мировым приоритетом? К тому же это как минимум **несовременно**.

На самом деле вся наша антикризисная политика строится на предположении о том, что в мире все наладится. Кстати, именно в этом контексте мы не ожидаем никаких, во всяком случае связанных с экономикой, катаклизмов в текущем и, возможно, в следующем году. Эффекта глобальной денежной накачки хватит для того, чтобы удержать мировую экономику от катастрофы хотя бы года на два, может чуть больше. Даже если не разделять обоснованного скепсиса по поводу показателей китайского роста, очевиден алгоритм этой накачки. Кредитная накачка китайской экономики дает рост производства, потому что эта экономика продуктивна по сути. Накачка американской экономики никакого продуктивного роста не дает, потому что эта экономика спекулятивна. Она дает рост спекулятивных индексов и цен на сырье, что

и обеспечивает облегчение для России. В России кредитная накачка для самой России не дает ровным счетом ничего, потому что это «дырявая посуда»; средства автоматически перетекают в валюту счета, а валюта счета – всегда доллар. Пока жива глобальная долларовая система. На вопрос, долго ли она будет жива, мы уже ответили неоднократно и однозначно. Вся мировая экономика, все ее члены с огромной силой наращивают долг. Кстати, стоит заметить, что Россия в этом ряду пока является чуть ли не единственным значимым исключением, и это один из многих факторов нашей надежды, если мы, конечно, захотим ими воспользоваться. Момент, когда встанет выбор «дефолт или инфляция», практически уже на носу. Выбор, как признает любой аналитик, прост – конечно, инфляция. Но что такое глобальная инфляция как альтернатива глобальному дефолту, никто еще не видел. Придется посмотреть.

В отношении американской антикризисной политики (и так или иначе плетущейся за ней мировой антикризисной политики): по мере того как она развивалась и прояснялись ее стиль, стратегия и результат, стало ясно, что к ней никаких претензий нет и быть не может. Это безальтернативная политика. Именно потому никакие обамы и прочие кадровые новации тут не играют никакой роли. Именно потому никакие «расследования причин кризиса» не поставят под удар положение Бернанке и авторитет Гринспена. Американская экономика (как и ее глобальная проекция) больна неиз-

лечимо. Неизлечимого больного хороший доктор не лечит, он продлевает срок его комфортного существования. А это, признайте, совершенно другая методика. Это единственное и вполне достаточное оправдание тем антикризисным мерам, к которым прибегают американцы. В конце концов, пока страна жива и владеет собой, а в данном случае еще и всем миром, мало что может случиться. Инопланетяне прилетят, и вообще... А попытка вылечить кризис, то есть ликвидировать порождающие его дикие диспропорции в экономике, приведет к одномоментной экономической, социальной и политической катастрофе. С точки зрения Америки, повторим, эта политика безальтернативная.

Однако это очень слабое утешение для России. Жизнь показала, что в расчете на общую конъюнктуру в парадигме догоняющего развития, то есть в рамках «недогоняющей политики», любой конъюнктурный сбой глобальной экономики для России катастрофичен. Сама по себе глобальная система имеет ресурсы и механизмы продлевать свое существование, восстанавливать жизнедеятельность в процессе погружения в трясину кризиса. Нынешняя Россия падает камнем. Концепция «первая волна прошла, а второй не бывать» не имеет ничего общего с действительностью. Первой волны практически и не было. Ее сбили волной эмиссии. То есть антикризисная политика глобальная – это и есть алгоритм погружения в кризис. Если бы не особенности российской экономической структуры и ее политического положения, мы могли

бы погружаться в этот кризис совокупно вместе со всеми. Однако даже и такой возможности у нас нет.

Двигаясь по избранной траектории, каждый следующий удар кризиса, даже смикшированный всей мощью глобальной экономики, мы будем встречать с меньшими резервами и падать на более низкую точку. Практика показала, что такие удары способны точечно выбивать именно останки обрабатывающих производств, работающих на внутренний спрос, и технологий, критических для оборонной безопасности. В две-три терации даже ослабленных кризисных волн мы утратим материальные предпосылки суверенитета. Это если глобальную экономику не сорвет с петель, что весьма вероятно в среднесрочной перспективе. Излишне напоминать, что наша социальная и политическая система восстанавливалась именно «под стабильность» и стабильностью питается. То есть для того чтобы она рухнула, достаточно утратить материальные предпосылки стабильности. При этом, заметьте, мы оставляем за скобками сознательное внешнее вмешательство в эту самую стабильность, которое при определенном уровне соблазнов практически гарантировано.

С этой точки зрения «нулевой период» закончился. Он не просто исчерпал себя. Для того чтобы выдержать очередной удар продолжающегося мирового кризиса, России придется изменить радикально и политику, и экономику. Мы обязаны научиться жить в противофазе со всем «прогрессивным че-

ловечеством». Так что «пожить по-человечески» по Юргенсу не получится. Ни при каких раскладах.

* * *

Три года министерству Анатолия Сердюкова. Реформе военной, конечно, не три года – гораздо меньше, поскольку половина этого времени ушла на инвентаризацию состояния вооруженных сил. Не припомню, чтобы какая-либо реформа последних двадцати лет вызывала бы такое злобное отторжение у профессионально заинтересованного сообщества, включая даже гайдаровские шоковые эксперименты. Сообщество не спланивалось ради спасения армии, когда ее морально и физически аннигилировали в начале 90-х. Оно не бросилось спасать армию, которую пустили в расход в Первую чеченскую. Кстати, цифра, упоминаемая министром, – 90 тысяч как предельная численность сухопутной группировки, которую способна сформировать российская армия, – в первый раз обнаружилась в связи с Чечней. Хотелось бы уточнить: это 90 тысяч необученных бойцов, собранных в сводные батальоны, не прошедших никакого боевого слаживания. Автор своими глазами видел, например, 165-й полк морской пехоты, «Тихоокеанский». Это полномасштабный полк – 2 тысячи человек. На момент выдвижения в район боевых действий опыт обращения с автоматом Калашникова имело около 30 морпехов...

Если численность центрального аппарата «Арбатского военного округа» за короткий срок сокращается с 52 до 7 тысяч, можно себе представить, что эти 45 тысяч офицеров, почему-то отказавшиеся от предложения поменять московские квартиры на службу в отдаленных гарнизонах и написавшие рапорта об увольнении, не стали мощной группой поддержки проводимой реформы. И их можно понять. Еще легче понять сотни тысяч офицеров и прапорщиков, которым придется покинуть вооруженные силы. Они ни в чем не виноваты. Но армия, в которой на одного командира приходится один боец, – не армия, а цирк. Мы не можем, к сожалению, создавать дополнительные подразделения, чтобы трудоустроить всех желающих служить офицеров. Еще раз повторю: они ни в чем не виноваты, это мы довели армию до такого идиотизма. Но это не повод продолжать существовать в нем дальше. И те 84 полноценно укомплектованные бригады, которые сейчас сформированы, – это, конечно, еще не боеготовые соединения. Их надо обучить и перевооружить. Но во всяком случае есть кого обучать и перевооружать. Армию, состоящую на 90% из складов с устаревшим военным имуществом и сторожей при них, перевооружать невозможно, и переобучать в ней некого.

Теперь о системе военного управления: никого сильно не беспокоило, что наши военные округа превратились в обособленные вотчины, для которых весь смысл общения с центральными органами управления состоял в том, чтобы

выбить лимиты. То же самое далее, по армиям, корпусам, дивизиям. Это типичная вассальная система: вассал моего вассала — не мой вассал. Восстановление вертикальной управляемости также почему-то не вызвало бурных восторгов на местах. И, наконец, — то, что называют «новым обликом вооруженных сил». Это концепция, выстраданная зарубежным и отечественным опытом. Характерно, что августовская операция на Кавказе не вызвала ни у политического, ни у военного руководства России победной эйфории. Ровно наоборот.

Военная доктрина, построенная на позиционном выдавливании противника силами фронтов, ушла в прошлое. Кстати, это ничего общего не имеет с политкорректными рассуждениями о том, что на смену конфликтам высокой интенсивности идут локальные конфликты и антитеррористические операции. В конфликтах любой интенсивности в современной войне упор делается на высокомобильные группировки, способные самостоятельно решать задачи на большом удалении от мест дислокации. Нашей дореформенной кадрированной армии для полномасштабного развертывания нормативно требовалось полтора года. Поищите в современном мире противника, который дал бы нам эти полтора года.

Нынешняя военная реформа делается по живому. Отсюда такой вой. Хорошо хоть, что не по мертвому. Кстати, петровские военные реформы также не встречали бурного востор-

га со стороны тогдашних вооруженных сил. Наглядный пример – картина Репина «Утро стрелецкой казни». При этом колоссальные преимущества петровской военной организации полностью доказаны практикой. Нынешней России эффективные современные вооруженные силы нужны ничуть не меньше, чем петровской, – достаточно просто взглянуть на исторические карты.

* * *

Олимпиада в Ванкувере собирается стать самой провальной для нас за всю историю. Придется констатировать факт: Россия более не является великой спортивной державой. Как-то неудобно повторять банальности, но причина, в общем, вполне очевидна. Колоссальный советский задел заканчивается. Великие спортивные школы обладают очень большой инерцией (кстати, не только спортивные), но и она рано или поздно иссякает. Кстати, ровно то же самое касается заложенных в советское время дополнительных, как многие тогда считали, избыточных ресурсов прочности: советских СНИПов, конструкций плотин, промышленной и коммунальной инфраструктуры, даже ресурсов стратегических ракет. Именно за счет таких избыточных ресурсов мы еще живы, пропустив полностью нормальный цикл обновления инфраструктуры. Можно, схватившись за голову, прикупить на стороне иностранного специалиста, броситься вливать

серьезные деньги в «спорт высоких достижений». Однако нельзя прикупить на стороне массовый детский спорт. Такой массовый бесплатный детский спорт – единственно возможная база для спорта большого. Победивший в стране эрзац-капитализм в принципе исключает возможность такого массового бесплатного спорта.

Спортивная политика – сублимация политики «настоящей». Если настоящей и главной задачей любого суверенного государства является победа в самом широком смысле – от победы над конкурентом до победы в войне, если таковая случится, – то спортивная политика, это то место, где застенчивое государство сублимирует эту свою задачу, не стесняясь нарушить политкорректность. Если неудобно стремиться победить в войне, можно призывать победить в спорте. И бог бы с ним со спортом, это вообще вещь второстепенная для страны, занятой настоящим делом. Другое дело, что наши спортивные потуги до боли напоминают текущую кампанию по борьбе за инновации. В том виде, в котором она наблюдается, это очень похоже на идею традиционного русского чуда: отловить в проруби некоего инновационного хиддинга по «щучьему велению» открыть нечто самое инновационное, причем все равно что, и ловко так внедрить это в одичавшую экономику. Ничего, собственно, плохого в этом бы и не было. Но очень это похоже на сублимацию. На отказ от до неприличности для некоторых мужественной и грубой политики фундаментального развития. Для начала про-

сто восстановления разрушенных базовых отраслей обрабатывающей промышленности. То есть, по сути, отказ от потенциальной победы. Настоящей, а не спортивно-сублимированной.

* * *

Наша политическая система – это имитация. Имитация, естественно, общепринятого «цивилизованного» либерального стандарта. Потому как иного в нынешней глобальной системе не положено. И хорошо, что имитация. Если мы это понимаем. Советская система, в известном смысле, тоже была имитацией и существовала более или менее стабильно, пока она это понимала. Заметьте: все демократизаторские наскоки на действующую систему построены по старой правозащитно-диссидентской модели: «Вот вы тут написали у себя – извольте выполнять!». Вот пока начальство отчетливо сознавало, что оно не для того писало, чтобы все это выполнять, все шло нормально. Когда же наверх проникли товарищи, не обладавшие навыком к мышлению, но обладавшие, к сожалению, навыком к чтению, они, почесав репу, решили: «Смотрите, действительно, написано?!». Идея реализовать буквально то, что было придуманно понарошку, наиболее наглядно реализовалось в территориально-государственном устройстве и его последствиях. В страшном сне никто не думал, что эти границы станут настоящими. Буквализа-

ция нашей политической системы может иметь только один результат. Она рухнет, похоронив под собой государство. На этот раз уже РФ.

На самом деле, повторюсь, имитацией полной и тотальной является «материнская» образцовая западная демократия. Изысканной, в своих лучших образцах, столетиями выстроенной имитацией участия электората в управлении страной. Это идеальная система, обеспечившая не только политическую, но и идеологическую диктатуру финансовых элит, сегодня находится даже не в кризисе – в тупике, который – обратная часть тупика экономического. Дело даже не в том, что кто-то и что-то угрожает ее власти – пока никто и ничто. Системный кризис тем и отличается, что система не способна адекватно реагировать на вызовы. В процессе такого реагирования такая система себя не лечит, а калечит. То, что антикризисная экономическая политика лишь углубляет кризис, это банальность. Но именно политическая система является непреодолимым препятствием к выбору любых других вариантов антикризисной политики, кроме паллиативных.

Что касается России, у нас это имитация имитации, выстроенная вручную и наспех, что и вызывает претензии лицензиара. Именно поверхностность и вторичность нашей имитационной модели и понимание властью его имитационного характера является основанием нашего иммунитета. У нас во всяком случае власть не собирается молиться идолу, который она сама сляпала в утеху мировой прогрессивной

общественности. Это основание шанса, что наша политическая система и соответственно наше государство способны пережить кризис.

1991 год, в отличие от 1917, не привел к гражданской войне, потому что наше общество было социально однородным, бесклассовым. Это верно, как и то, что сегодня его таковым можно назвать с большой натяжкой. То есть по факту наше общество сегодня примитивно-классовое, при том что по идеологии и по сознанию классовая структура подавляющим большинством действительно отвергается. То же самое касается и государства, которое продолжает быть патерналистским и социальным. Кстати, именно поэтому фактическое влияние на власть квазиолигархических групп болезненно воспринимается и обществом, и самим государством, чего никак невозможно себе представить в той же благословенной Америке, где эти группы идентичны власти. То есть и в социально-классовом смысле мы – общество переходное. И если до кризиса вопрос о том, куда переходное, можно было замять, то именно кризис вынуждает воспользоваться возможными альтернативами.

Все три русские катастрофы (1612, 1917, 1991), когда наше государство анигилировалось, имеют одну общую составляющую. Это предательство элит. Исторически российская власть не идентична элитам. Она абсолютна, в том смысле, что она не делится с этими элитами властью. В моменты кризиса и слабости, когда элиты завладевают властью, то есть

возникает в том или ином историческом контексте та самая либеральная модель, эта модель и эта власть оказываются не легитимны с точки зрения общества. И начинается уничтожение элит, высших классов низшими. При этом предательство на то и предательство: эти элиты всегда обращаются к внешнему врагу для защиты от своего народа и своего государства. Вопрос, способны ли нынешние элиты на такое в момент кризиса, когда им представится возможность взять власть и реализовать либеральную модель, – вопрос этот, повторю, смешной. Для нынешних российских элит, по происхождению мародерских, давно разместивших свои активы, недвижимость, потомство и политическую лояльность за рубежом, вообще никакого риска не существует (кроме как если случайно отловят и замочат). Если не получится, они могут вернуться сюда как уже настоящие полноценные коллаборационисты и полицаи под защитой оккупационной администрации.

Кстати, в последней катастрофе 1991-го альтернативой гражданской войне, то есть резне как средству реанимации институтов управления страной, стала коррупция. Еще раз: коррупция, это способ самоорганизации общества, утратившего государство, альтернативой которому была и, кстати, остается до сих пор, резня. Вопрос о том, созрело ли наше общество «классово» до резни, остается все-таки открытым. В 1991-м коррупция как модель восстановления управляемости, опиралась на колоссальное преимущество – ре-

сурс распределения советского наследства. Как кто-то очень тонко заметил, 90-е годы не были годами первоначального накопления, как это принято было считать. Эпохой первоначального накопления была как раз советская эпоха, вместившая в себя все возможные и невозможные методы экспроприации материальных и нематериальных благ в пользу советского государства. А последующая эпоха была эпохой раздела наследства почившего государства, сопровождавшаяся его частичным (в значительной части) уничтожением. Собственно, поэтому лозунги «модернизации» и особенно «инновационного развития» невольно вызывают подозрения в попытке окончательно списать убытки. Обойти по-тихому сермяжную проблему реиндустриализации и восстановления частично утраченных технологических укладов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.